

*Свидетели
эпохи*

ДЖОРДЖ
БЬЮКЕНЕН

*Моя миссия
в России*

Вспоминания
английского дипломата

1910—1918

Джордж Бьюкенен
Моя миссия в России.
Воспоминания английского
дипломата. 1910-1918

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=617885

*Моя миссия в России. Воспоминания английского дипломата : ЗАО
Центрполиграф; Москва; 2006
ISBN 5-9524-2005-2*

Аннотация

Джордж Бьюкенен, посол Великобритании, рисует объективную картину жизни России до Февральской и Октябрьской революций. Он дает характеристики значительных личностей того периода: Столыпина, Родзянко, Керенского и Терещенко. Отдельная глава посвящена императорской семье, раскрывается роковое влияние императрицы Александры Федоровны на ход исторических событий в России. Книга расширит представления об английской дипломатии и ее роли в большой политике того периода.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
Глава 1	11
Глава 2	26
Глава 3	42
Глава 4	56
Глава 5	71
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Джордж Бьюкенен

Моя миссия в России.

Воспоминания

английского дипломата

ПРЕДИСЛОВИЕ

День ото дня появляется все больше новых книг, и сейчас их уже много больше, чем во времена Екклесиаста. И если я все же решился умножить их количество, то причина тому – не столько желание подробно описать все, чему я был свидетелем за сорок пять лет моей дипломатической службы, сколько стремление пролить некий дополнительный свет на великие политические события, в которых мне пришлось прямо или косвенно участвовать. С точки зрения политики моя работа посла в Софии и Петрограде представляется мне наиболее важной, и, хотя я коротко охарактеризовал свои предыдущие назначения, большая часть этой книги посвящена Болгарии и России. Во время моего пятилетнего пребывания в первой я присутствовал при провозглашении независимости Болгарии и последующем принятии князем Фердинандом титула царя. В последней я видел начало Ве-

ликой войны, падение империи, создание и роспуск Временного правительства, большевистскую революцию.

Я познакомился с князем Фердинандом, когда служил вторым секретарем посольства в Вене, – в то время он был офицером австрийского кавалерийского полка. Я все еще пребывал на этом посту, когда в 1887 году он предложил себя в качестве кандидата на болгарский трон, опустевший в результате отречения князя Александра. Сегодня лишь немногие помнят, что происходило на Балканах сорок лет назад, поэтому я вкратце изложил историю Болгарии с 1885-го до 1904 года, когда был назначен дипломатическим представителем и генеральным консулом в Софию. Это позволит читателям лучше понять последующее события, а также те смешанные чувства благодарности и подозрительности, которые многие болгары испытывают по отношению к России. Этот краткий очерк и главы, относящиеся к данному периоду моей деятельности, соответствуют официальным докладам, которые я писал в то время. В своей работе я придерживался взглядов, изложенных в этих донесениях, не позволяя себе вносить коррективы их с учетом той роли, которую князь Фердинанд и его страна сыграли в войне. Этому правилу я следовал все время, когда работал над книгой, и, описывая Россию и русских, я руководствовался оценками того времени, высказанными мной как в официальных отчетах, так и в частной переписке.

Я покинул Софию в 1909 году и после годичного переры-

ва, проведенного в Гааге, снова окунулся в круговорот балканской политики, приняв в 1910 году назначение на пост посла в Санкт-Петербурге. В течение первого года, или около того, балканский вопрос оставался более или менее стабильным, и я должен был уделять внимание вопросам, от которых зависело взаимопонимание между Англией и Россией. Главы, в которых идет речь о так называемом Потсдамском соглашении¹ и постоянных разногласиях по поводу Персии, возможно, не представляют особого интереса для широкой публики, но они важны в историческом плане, поскольку, как я показал, бывали моменты, когда эти два вопроса грозили разрушить наше взаимопонимание. Если бы это произошло, вся последующая история могла бы пойти совсем по другому пути. Но к счастью, положение удалось спасти благодаря неустанным усилиям сэра Эдварда Грея и господина Сазонова. Впоследствии, в 1912 году, когда балканский вопрос снова обострился, оба правительства были единодушны в своем стремлении к поддержанию мира в Европе.

Я подавал отчет о каждой последовательной стадии этого кризиса: сербско-болгарском союзном договоре; образовании Балканской конфедерации; соперничестве России и Австрии, едва не вовлекшем всю Европу в военный конфликт; заключении мира на условиях, которые можно считать триум-

---

¹ Потсдамское соглашение (1911), по которому Германия признавала Северный Иран сферой влияния России, а та в свою очередь обязалась не препятствовать постройке Багдадской железной дороги.

фальными для славян, и последовавшую за этим безумную ссору балканских союзников из-за военной добычи; Второй Балканской войне и бухарестском мирном договоре, уничтожившем все, что было достигнуто в результате первой войны. Я показал, как Россия, разрывавшаяся между желанием содействовать славянским интересам и опасением вызвать международные осложнения, много раз в течение этого кризиса меняла свою политику; и хотя мне не хотелось бы критиковать своего старого друга и коллегу, я все же указал на некоторые ошибки, которые господин Сазонов, по моему мнению, допустил.

С другой стороны, я рад представившейся мне возможности полностью оправдать его поведение на переговорах, последовавших за предъявлением Австрией ультиматума в Белграде. Как непосредственный участник событий, я должен отметить, что он приложил все усилия, дабы не допустить разрыва. В то же время я опроверг обвинения, выдвигаемые некоторыми германскими авторами, и показал, насколько беспочвенны их утверждения, что Россия хотела войны и мы поощряли ее в этом стремлении, обещая нашу вооруженную поддержку. Что касается самой войны, то я лишь коротко обрисовал ход военных действий, чтобы объяснить их влияние на международную ситуацию, особенно после того, как русская армия, оставленная почти беспомощной перед лицом неприятеля, терпела в 1915 году поражение за поражением.

Мне было тяжело наблюдать, как великая империя шаг за шагом приходила в упадок: энтузиазм и надежды первых дней войны сменились унынием и ощущением надвигающихся бедствий; нация, вначале сплотившаяся в едином порыве вокруг монарха, затем, устав от тягот и лишений, вызванных крайне неумелым правлением, обратилась против своего повелителя и свергла его с трона. Не менее печально проследить поступки императора и видеть, как он, руководствуясь врожденным фатализмом, добровольно выбирает путь, неминуемо ведущий его и его семью к их печальной участи. Я не пытался скрыть его недостатки, но старался изобразить его таким, каким я его знал: приятным человеком со многими превосходными качествами, настоящим и верным союзником, искренне преданным, несмотря на очевидные свидетельства в пользу обратного, интересам своей страны. Что касается роли императрицы, я показал, как она, будучи славной женщиной и действуя из самых лучших побуждений, только лишь приближала окончательную катастрофу. Пагубное непонимание кризиса, переживаемого в тот момент Россией, привело к тому, что она навязывала императору министров, от которых требовалась лишь готовность проводить ее реакционную политику. Читатели, которые надеются найти в моей книге новые сенсационные разоблачения деяний Распутина при русском дворе, вероятно, будут разочарованы. Я сообщил только то, что, по моему убеждению, соответствует истине, и предпочел не переска-

зывать беспочвенные сплетни, которыми окружено это имя.

Я подробно описал развитие революции, образование Временного правительства, его затяжную борьбу с Советом, неспособность остановить разложение армии, достойную сожаления мягкость по отношению к большевикам, бестактное поведение во время эпизода с Корниловым и окончательную капитуляцию под натиском большевиков. Моя работа значительно облегчилась благодаря любезности сэра Эйра Кроува, позволившего мне сверяться с моими официальными донесениями, хранящимися в Архиве министерства иностранных дел, а также бесценной поддержке, оказанной мне в этом вопросе архивариусом, мистером Газели. Поскольку Временное правительство, так же как и старое самодержавие, уже исчезло со сцены, я смог рассказать историю своего пребывания в России гораздо свободнее, чем это было бы возможно при других обстоятельствах. Я подходил к предмету своего повествования с объективной точки зрения и стремился в своих суждениях о людях и событиях сохранять позицию беспристрастного наблюдателя, чье видение великой русской трагедии может оказаться полезным для будущих историков.

Если я придал этой книге форму мемуаров и рассказал о себе значительно больше, чем намеревался вначале, то ответственность за это лежит на моем друге Эдмунде Госсе, великом мастере критики. Он проявил такой интерес к моей работе и так убедительно доказывал мне значение личности

автора, что я вынужден был переписать несколько глав, чтобы угодить его жажде «присутствия личности». И хотя мне так и не удалось уговорить его вдохнуть жизнь в мою бедную прозу волшебным прикосновением своего пера, он оказал мне столь необходимую моральную поддержку, за которую я всегда буду ему благодарен.

Джордж У. Бьюкенен

25 января 1923 г.

Глава 1

1876–1880

Вена. – Рим. – Путешествие через Америку. – Жизнь в США. – По дороге в Токио

Хотя о дипломатах, в отличие от поэтов, нельзя сказать, что ими рождаются, а не становятся, я могу, в определенном смысле, утверждать, что был рожден на дипломатическом поприще. Я родился в Копенгагене, в здании дипломатического представительства, возглавляемого в тот момент моим отцом. Он начал свою карьеру при лорде Стратфорде де Редклифе, после того как тот был в 1825 году назначен послом в Константинополь. Полвека спустя, в апреле 1876 года, когда передо мной открылись двери дипломатической карьеры, «великий эльки» не обошел этот факт своим вниманием: он пригласил меня к себе и благословил, пожелав мне удачи на жизненном пути. Поразительно красивый, несмотря на свои девяносто лет, он все еще сохранил прежнюю власть, благодаря которой, плохо это или хорошо, он так долго оставался одним из самых влиятельных людей в Оттоманской Порте.

В мое время для поступления на дипломатическую служ-

бу необходимо было сдать квалификационный экзамен, не требовавший от кандидатов особого напряжения умственных способностей, но в то же время работа, которую поручали новоиспеченным атташе во время предварительной подготовки в министерстве иностранных дел, носила чисто канцелярский характер – снятие копий с официальных донесений, шифровка и дешифровка телеграмм. Компенсацией за это были новизна и возможность быть допущенным за кулисы и наблюдать за работой дипломатии изнутри, особенно тогда, когда восточный вопрос лишь неясно маячил на горизонте и когда князь Бисмарк составил свой знаменитый Берлинский меморандум² без предварительной консультации с правительством ее величества. Я помню, что пренебрежение, выказанное этим поступком князя Бисмарка ее правительству, так оскорбило королеву, что она дала выход своему гневу в следующей записке, которую я прочел в то время в берлинской диппочте: «Князь Бисмарк обращается с Англией как с третьестепенной державой, и от этого у королевы кровь вскипает в жилах».

Я прослужил в министерстве иностранных дел всего несколько недель, когда мой отец, чей срок пребывания на посту посла в Вене подходил к концу, попросил, чтобы меня

---

² Берлинский меморандум 1876 г. был адресован Османской империи в связи с восстанием народов Балканского полуострова (Боснии и Герцеговины) против турецкого деспотизма. Принят 1 (13) мая 1876 г. в Берлине министрами иностранных дел России, Австро-Венгрии и Германии и поддержан правительствами Франции и Италии (Англия не присоединилась к меморандуму).

прикомандировали к его посольству. Для молодого атташе Вена в те времена была чудесным городом, особенно если он как сын посла имел доступ в высшее общество, где или были на «ты» со всем миром, или почти не привлекали к себе внимания. Венцы так любили танцевать, что я помню бал у князя Шварценберга, начавшийся в одиннадцать часов утра и закончившийся лишь в шесть вечера; но к танцам, которые позволяли мода и этикет тех дней, нужно подходить с совершенно другими мерками, чем к современным фокстротам. На дворцовых балах даже вальсы были запрещены как непристойные. На каждом балу существовала специальная комната – Comtessin Zimmer,³ куда был закрыт доступ замужним женщинам. В таких комнатах девушки болтали со своими партнерами в перерывах между танцами, зорко и ревниво присматривая, чтобы ни одна из их слабых духом сестер не переступала границ самого невинного флирта.

Расписание, кто с кем танцует, делалось вперед на весь сезон, поэтому на каждом балу партнеры, с которыми предстоит танцевать, были известны заранее, и если кто-то из них не мог по каким-либо причинам прийти на бал, он должен был подыскать себе замену.

Но, несмотря на все эти старомодные привычки и обычаи, я навсегда сохраню самые приятные воспоминания об австрийском обществе, о его доброте и щедром гостеприим-

---

³ Девичья комната (нем.). Comtessin – незамужняя графиня в возрасте до 30 лет.

стве, и о том, что венцы называют словом *Gemytlichkeit* (нем. уют), которому нет эквивалента в английском языке. Кроме радостей светской жизни Вена той поры могла похвастаться множеством превосходных театров – бесконечного источника наслаждений для такого страстного театрала, каким был я. Бургтеатр в то время располагался еще в старом помещении, примыкающем к дворцу, где, несмотря на небольшие размеры, актеры чувствовали себя уютней и свободней, чем в более просторном и помпезном здании, выстроенном несколько лет спустя. Такие мастера драматического искусства, как Зонненталь и фрау Вольтер, были тогда в зените своей славы. Они и вся труппа, в которую входило множество превосходных артистов, делали Бургтеатр достойным конкурентом знаменитому французскому театру на улице Ришелье.

Но жизнь кипела не только в Вене. Осенью мы с отцом часто ездили на охоту в замок Гёдоллё, недалеко от Будапешта, где даже ничтожный атташе вроде меня мог непосредственно общаться с императором и императрицей,⁴ а также со злощастным кронпринцем Рудольфом. На охоте можно было встретить графа Андраши и ряд других венгерских магнатов, так что мой отец совмещал удовольствия с интересами дела, и по вечерам я по большей части был занят тем, что зашифровывал результаты его бесед с императором и канцлером. Но взгляды всех участников охоты были постоянно прикованы к императрице, с ее лучезарной красотой, вели-

---

⁴ Император Франц-Иосиф I и императрица Елизавета.

колепной посадкой на лошади и изумительной фигурой. Лошади и забота о своей фигуре составляли два самых главных интереса ее жизни, и ее любовь к искусству верховой езды заходила так далеко, что она даже упражнялась в выездке в своей частной школе верховой езды в Гёдоллэ.

Лошади были любимой темой ее разговоров, и однажды моя мачеха, не питавшая уважения к важным персонам, после того как ей пришлось довольно долго выслушивать все, что императрица могла сказать об этом предмете, сухо заметила: «Думает ли ваше величество о чем-нибудь, кроме лошадей?»

История не сохранила ответа императрицы, но полагаю, что после этого разговор завершился очень скоро.

Прослужив год в качестве атташе в Вене, я вернулся в министерство иностранных дел и в 1878 году был назначен третьим секретарем в Рим, где проработал счастливых полтора года под руководством самого лучшего и внимательного из всех начальников – сэра Августа Пэджета.

Рим будет всегда завораживать всех, кто окажется в его стенах, но сорок пять лет назад это был еще более чарующий город, чем сегодня. Он тогда еще не стал типичной современной столицей и в большой степени оставался Римом папских времен. Новый город, который сегодня окружает старый Рим, тогда еще только зарождался. Красивые окрестности виллы Людовизи не превратились еще в бесчисленные улицы с безликими домами. Строитель не наложил еще свя-

тотатственной руки на область Кампанья, тянувшуюся почти до самых стен. Раскопки в Форуме, добавившие столько интересного к нашим познаниям Античности, тогда только лишь начинались, но с чисто эстетической точки зрения Форум был живописнее, чем сейчас.

Наше посольство уже располагалось в своем нынешнем помещении, на вилле Торлония, но экономное правительство тогда еще не успело продать нижнюю часть чудесного сада, и он был в два раза больше, чем сейчас. От виллы, примыкающей к Аврелианской стене, рукой подать до Порта-Пиа, и, выехав из ворот, можно было почти сразу оказаться в Кампанье и скакать галопом километр за километром по ее бескрайней равнине. Так как начальство не слишком перегружало меня работой, зимой мне обычно удавалось охотиться два раза в неделю, хотя после танцев, длившихся иногда до пяти утра, ранний подъем и дальняя поездка бывали тяжелы. Рим в то время был очень веселым городом, несмотря на то что его общество было разделено на белых людей и негров. Огромные дворцы аристократии, большая часть которых сегодня закрыта, были тогда местом постоянных увеселений, особенно в последние десять дней перед Великим постом, когда в городе устраивали карнавал. Общество пирило и танцевало каждую ночь, а по вечерам на улице Корсо правил бал король карнавала, которого уже давно нет в живых. Вся улица была увешана яркими полотнами; с балконов можно было участвовать в битве цветов и конфетти,

любоваться веселящейся публикой в карнавальных костюмах, проезжавшей по улице в нарядно украшенных экипажах. Затем, когда Корсо пустела, празднования закачивались необычными забегом лошадей без всадников, известным под названием «Бербери».⁵

К концу 1879 года подошел мой срок получить назначение в отдаленную страну, и я отправился вторым секретарем в Токио. Как ни жаль мне было покидать Рим, но меня полностью захватила мысль, что я увижу Дальний Восток и проведу по дороге туда два месяца в Соединенных Штатах. Среди прочих благих намерений, которыми я мостил себе дорогу в ад, было ведение дневника. Поскольку это был один из немногих случаев, когда мне удалось воплотить такое намерение в жизнь, я могу рассказать о впечатлении, которое произвела на меня Америка сорок лет назад. Город Вашингтон не произвел на меня особенного впечатления, хотя Торнтон, у которых я останавливался в посольстве, были сама любезность. Нью-Йорк показался мне более интересным. Нью-йоркские кафе были не хуже парижских, а светская жизнь гораздо больше соответствовала моим вкусам. В мою честь устраивали обеды, водили по театрам и балам, а также представляли всем хорошеньким юным леди. Как и многие мои земляки, я пал жертвой их чар, и не прошло и двух недель, как я был помолвлен – но лишь на двадцать че-

---

⁵ В этих скачках участвовали необъезженные лошади берберийской породы, отсюда и название.

тыре часа. Мой будущий тесть, которого я ни разу не видел до тех пор, пока меня не ввели в спальню, где он лежал с тяжелым приступом подагры, в ответ на мою просьбу о благословении, сказал, что ему не нужен такой зять, как я. Он добавил, однако, что я буду всю жизнь ему благодарен – и оказался прав.

После Нью-Йорка я некоторое время гостил у знакомых около Бостона. В Америке, к моему несчастью, тогда еще не был принят сухой закон, и мой хозяин, в соответствии со своими представлениями о правилах гостеприимства, водил меня по клубам и барам, где я вынужден был пить коктейли с его друзьями. Однажды, это был какой-то национальный праздник, я тринадцать раз пил до завтрака или, вернее сказать, с утра, потому что за завтраком меня в тот день так и не увидели. Из Бостона я поехал на Ниагару, где ко мне присоединился мой друг Сидней Кэмпбелл, путешествовавший в Японию вместе со мной, и, отдав дань безграничного восхищения Ниагарскому водопаду, мы вместе отправились в Чикаго. Здесь мы соприкоснулись с деловой стороной жизни Америки и посвятили недолгое время, что мы там пробыли, посещению скотных дворов и зернохранилищ. В продолжении путешествия мы пересекли Миссисипи и Миссури и вскоре оказались в открытых прериях – огромной равнине почти без признаков жизни, кроме одиноко пасущегося скота, попадающихся иногда небольших рощиц и редких фермерских домов. «Это напоминает мне, – записал я в сво-

ем журнале, – Кампанью, как если бы она была гораздо больше, но полностью лишилась всех своих красот: руин, акведуков, холмов, залитых теплым итальянским солнцем, и величественного купола голубых небес. Здесь все серо, уныло и невероятно однообразно. Просыпаешься утром, и кажется, что ты на том же месте, где был два дня назад. Вчера вид был немного лучше, так как сразу несколько степных пожаров оживляли уныние бесконечной равнины». Пройдя Шайенн, мы в первый раз увидели Скалистые горы – приятная перемена после прерий – и продолжали подниматься, пока не достигли города Шермана, расположенного на высоте 2400 метров над уровнем моря. Оставшаяся часть пути до Огдена и Солт-Лейк-Сити проходила по живописной дороге среди красного песчаника и множества внушительных скал.

В своем дневнике я нашел следующее описание столицы мормонов: «Это очень чистый и благополучный на вид город, со скромными, чистенькими домиками, утопающими в садах и парках. На следующее после прибытия утро мы наняли экипаж, и извозчик, который оказался англичанином, стал нашим гидом. Сначала мы поехали в Дом десятины, куда все мормоны, включая даже дам полусвета, должны отдавать десятую часть своего заработка. Затем мы посетили храм – гранитное здание, строительство которого будет закончено только через четыре-пять лет, и затем проследовали в Табернакл.⁶ Это был уродливый деревянный дом, около

---

⁶ В Ветхом Завете слово «табернакл» обозначает скинию, то есть переносной

восьмидесяти метров длиной, продолговатой формы, с низкой крышей. В нем могло разместиться двенадцать тысяч человек, и акустические свойства его так замечательны, что мы смогли расслышать звук падения булавки, которую наш гид уронил в семидесяти метрах от места, где мы стояли. Кровь весь увешан фестонами из листьев, чтобы избежать малейшего эха. Из Табернакла мы направились в „Львиный дом“ к президенту мормонов мистеру Тейлору. Это довольно заурядный человек лет шестидесяти—семидесяти. Он принял нас очень вежливо и около двадцати минут занимал разговорами. Сам он родом из Вест-морленда, и был вместе с Джо Смитом в тюрьме в Нову, где последний был убит разбушевавшейся толпой. Самому ему удалось бежать, отделавшись лишь огнестрельным ранением.

Как президент, он не внушал такого благоговения и трепета, как его предшественник Бригэм Янг, обладавший, в отличие от мистера Тейлора, гением и железной волей. Когда, после смерти Джо Смита, Янг облачился в пророческую мантию, ему пришла в голову мысль о великом переселении на Запад, где мормоны могли бы жить в мире и безопасности от преследований. Во исполнение этого плана он провел их через прерии Небраски, через Скалистые горы и Великую Американскую пустыню. Преодолев все трудности, хо-

---

храм в виде палатки. В тексте Табернакл – знаменитый молебельный дом мормонов в Солт-Лейк-Сити, здание куполообразной формы, вмещающее несколько тысяч человек.

тя и ценой многих жизней, в июле 1847 года они достигли земли обетованной. Выбор места для поселения снова подтвердил его мудрость, и своим необычайным процветанием Солт-Лейк-Сити во многом обязан его энергии, прозорливости и организаторскому таланту. Он был выдающимся человеком, но при том жестоким и совершенно неразборчивым в средствах, которые он употреблял для укрепления своего авторитарного правления. После его смерти вожди мормонов значительно утратили влияние на свой народ. У Бригэма Янга было шестнадцать жен и еще примерно столько же женщин было „закреплено“ за ним. Это термин обозначал, что при жизни они не были его женами в строгом смысле этого слова, но должны были стать ими в мире ином. Получается, что женщина может иметь одного мужа на этом свете, но быть предназначенной для другого на том. Сейчас больше четырех жен нет ни у кого, а многие считают, что двух вполне достаточно, так как расходы на их содержание сильно увеличились в связи с тем, что у „кротких“ стало принято жить на широкую ногу. Дом, в котором живут две жены, обычно сразу бросается в глаза, так как в нем должны быть две отдельных половины, со своей дверью каждая. Наш гид показал нам дом, откуда жена „номер один“ выгнала жену „номер два“ и преследовала ее по улице в ночной рубашке. Бригэм Янг построил для своей последней фаворитки очень красивый дом и назвал в ее честь Дворцом Амелии. Другого такого дома нет во всем городе. Юта – это не штат, а тер-

ритория, ее губернатор назначается правительством Соединенных Штатов. Пьянство наказывается штрафом от пяти до десяти долларов, и если у провинившегося нет денег, чтобы заплатить, то он должен отработать эту сумму на строительстве дорог. Однако если судить по состоянию дорог, то либо среди жителей города мормонов почти нет бедных, либо они все ведут исключительно трезвый образ жизни».

По дороге в Сан-Франциско мы пересекали Сьерра-Неваду, где наш поезд застрял из-за снежных заносов. Нам пришлось провести шестнадцать часов на захудалой маленькой станции, коротая ночь на голых скамьях в буфете. Одной из достопримечательностей Сан-Франциско того времени был китайский квартал, который нам показал знакомый полицейский. Китайцы жили совершенно отдельно в своем собственном городе. У них свои мясники, булочники, аптекари, ювелиры и т. д. Хотя было уже больше десяти вечера, торговля находилась в самом разгаре, и, заглянув в несколько магазинчиков, мы посетили еще храм, театр и женский квартал.

24 апреля мы отправились в долину Йосемите, хотя нас и предупреждали, что мы можем не попасть туда из-за глубокого снега. Первую ночь мы провели в Мерседе, а затем, наняв коляску и пару лошадей, поехали в Марипосу, где и остановились на ночлег. Там мы оставили коляску и отправились через горы верхом. После небольшого отдыха в маленькой шахтерской деревушке Хайтс-Коув и восхитительной поездки верхом через каньон Мерсед мы оказались в до-

лине. Я прилагаю свои впечатления в том виде, в каком они были занесены в мой дневник.

«Наш путь лежал через лес, спускавшийся к реке, которая перекатывалась по камням в пятнадцати метрах внизу. Яркая зелень травы блестела на солнце, деревья просыпались к жизни, земля была покрыта цветами всевозможных оттенков. Цветущий кустарник с очень подходящим для него названием багрянник⁷ наполнял весь лес жизнью и красками. Повсюду цвели нежно-желтые лютики, незабудковой голубизны колокольчики, красные, белые, лиловые цветы всевозможных оттенков. Склон холма за рекой весь полыхал оранжевым, но мы были слишком далеко, чтобы распознать сам цветок. По мере приближения к долине Йосемите местность становилась все более дикой: склоны стали круче, и трава сменилась камнями. Мы начали спуск по узкой каменной тропинке. В три часа мы въехали в долину. Первым моим впечатлением было разочарование. Я не мог понять, почему люди так восхищаются гигантскими скалами, поднимающимися прямо в небо: они огромны и дики, но в чем их прелесть? Сначала я даже не осознал их размеры. Но вскоре научился понимать и ценить их необычную красоту. Это чувство возникало у меня постепенно, особенно на закате. В той части долины, где находится отель „У Бернарда“, ска-

---

⁷ Багрянник, церцис канадский (*Cercis canadensis*) (лат.) – лиственный кустарник или маленькое дерево; в период цветения ветви густо покрыты розовыми цветами.

лы подступают со всех сторон и подавляют, но тремя километрами ниже по течению долина расширяется. Мы добрались до небольшого песчаного островка у подножия Эль-Капитано и остановились там на часок после обеда. Я лежал и смотрел вверх на гигантскую скалу, вздымающуюся вертикально в небо на девятьсот с лишним метров, и почти столь же грандиозные скалы на противоположном берегу (они образовывали что-то вроде рамки для пейзажа с темными соснами, выступающими на фоне бледно-голубого неба, залитого золотым закатным светом). И тогда я почувствовал, как ошибочны были мои первые впечатления и как ничтожны все слова, сказанные о долине, по сравнению с действительностью».

Перечитав это описание долины Йосемите спустя более сорока лет, я задался вопросом: если бы мне сейчас снова довелось попасть туда, произвела бы ее красота на меня столь же сильное впечатление, как в юности, и смог бы я выразить свои впечатления столь же поэтическим языком?

Сент-Бёв однажды написал: «Три четверти всех людей переживают в себе поэта, который умирает в молодости, а человек остается жить».

Альфред де Мюссе ответил ему сонетом, в котором подверг сомнению правоту этого высказывания и, призвав Сент-Бёва к ответу за кощунство на языке богов, указал ему помнить, что «в каждом из нас спит поэт, всегда молодой и живой».

Однако боюсь, что с возрастом поэт засыпает так крепко, что только самые глубокие чувства, будь то счастье или горе, могут пробудить его ото сна. Ибо, устав от жизненных тягот и битв, большинство из нас приходят к убеждению, что «нельзя вернуть час пышности трав и величия цветов».⁸

Выехав из долины, мы попробовали вернуться в Мерсед через горы, но снег был так глубок, что мы вынуждены были спешиться. Три часа черепашьими темпами карабкались в гору, ведя лошадей в поводу, но потом отказались от этой затеи. Из-за этого мы потеряли столько времени, что добрались до подножия горы, отделяющей каньон Мерсед от Хайтс-Коув, только поздно вечером и вынуждены были из последних сил карабкаться по узкой тропинке, вьющейся по краю пропасти до двух тысяч метров глубиной. Когда мы добрались до вершины, было уже так темно, что мы погнали лошадей впереди себя, а сами пошли следом за ними, поскольку они легче находили дорогу. Мы добрались в Хайтс-Коув лишь в одиннадцать ночи едва живые от усталости и голодна.

---

⁸ У. Вордсворт. Ода «Об откровениях бессмертия».

Глава 2 1880–1888

Токио. – Снова Вена. – Австро- российское соперничество на Балканах. – Обзор ситуации в Болгарии. – Отречение князя Александра и избрание князя Фердинанда

Мы покинули Сан-Франциско на борту корабля «Город Пекин» и после утомительного и однообразного двадцатидневного путешествия прибыли в Йокогаму 24 мая. Япония в ту пору переживала переходный период. Хотя она уже ступила на путь, который в невероятно короткое время привел ее в число великих мировых держав, она еще не была так европеизирована и сохраняла живописное очарование старой Японии. Кроме линии Токио—Йокогама железных дорог в стране не существовало. Хотя возможности для путешествий были вследствие этого ограничены, оказалось, знакомиться со страной гораздо удобнее, путешествуя на рикшах или пешком. Во время долгих поездок в глубь стра-

ны, которые я совершал каждое лето, мне довелось провести ночь на вершине Фудзиямы – горы, которой нет равных и которая величественно вздымается на высоту 3776 метров над равниной. Я поднимался на Асамаяму – огромный действующий вулкан; побывал в древней столице Киото; посетил Никко и другие места паломничества; переправлялся через пороги на реках; я прошел пешком сотни километров, забираясь куда мне вздумается, включая такие места, где никогда прежде не видели европейцев. Кроме одного случая, когда владелец чайной проявил вражду к иностранцам, характерную для Японии в прошлом, и отказался нас впустить, повсюду нас встречал самый теплый прием, и в деревнях, где мы останавливались, нам отводили самые лучшие комнаты. У меня были местные повар и слуга, и, хотя дома они и шагу не ступали за порог, за время наших путешествий усталость ни разу не помешала им отменно кормить меня. Они не оплошали даже тогда, когда мы поднимались на Асамаяму и были в пути семнадцать часов, так как наши проводники сбились с дороги и повели нас вниз по противоположному склону горы.

Когда я жил в Токио, Японию посетил король Георг, тогда еще носивший титул принца Уэльского, вместе со своим старшим братом покойным герцогом Кларенсом, служившим младшим офицером на «Вакханке». Прием, устроенный в их честь, очень похож на тот, что был оказан нынешнему принцу Уэльскому во время его последнего визита. В

программу входил новый для нас вид спорта – ловля диких уток. Сначала птиц с помощью подсадных уток заманивали на заполненные водой каналы, а потом, когда они пытались подняться в воздух, ловили схлопывающимися двустворчатыми сетями. Затем следовал японский вариант игры в поло, традиционный японский обед и прием в дворцовом саду. Император оказал им особое внимание: впервые в истории, если я не ошибаюсь, он поднялся на борт иностранного военного судна и присутствовал там на завтраке. Еще одна поездка, в которой я сопровождал принцев, – экскурсия в Камакуру, в 25–30 километрах от Йокогамы, к знаменитому бронзовому Будде. Мы выехали в большом составе, но после обильного завтрака на природе никто, кроме двух молодых принцев, не пожелал проделать обратный путь верхом, поэтому я имел честь возвращаться домой в их компании.

Жизнь в Японии была в то время очень дешева, и среди прочих роскошеств я мог позволить себе небольшую племенную ферму скаковых пони. В Йокогаме, где располагались британская и другие иностранные колонии, два раза в год устраивались состязания японских и китайских пони. Соревнования проходили отдельно, так как китайские пони гораздо резвее. Японцы, большие любители конного спорта, всячески препятствовали тому, чтобы их лучшие пони попадали в руки иностранцев, но на осенних состязаниях 1882 года мне удалось в третий раз подряд на одном и том же пони выиграть чемпионскую гонку для японской породы и оста-

вить за собой переходящий кубок стоимостью 100 фунтов. Я также выиграл соревнования в тяжелом весе, где я сам был наездником, а мой лучший пони китайской породы непременно стал бы победителем, если бы японский жокей не придержал его. Я обращался к распорядителям жокей-клуба, и они устроили ему допрос, но так как он всячески отрицал, что придержал моего пони намеренно, результаты не были пересмотрены.

В ту пору нашим посланником в Токио был сэр Гарри Паркс, очень способный человек, у которого за спиной многие годы безупречной службы. В 1860 году, когда он входил в состав делегации, возглавляемой лордом Элджином, Паркс был вероломно арестован китайцами и провел одиннадцать дней в тяжелых цепях. Он отказался покупать себе свободу на условиях, которые могли помешать успеху переговоров лорда Элджина, и был приговорен к казни. После захвата Летнего дворца приговор отменили и его освободили. Будучи посланником в Японии, он оказывал императору большую поддержку во время первых лет его правления и несколько раз чудесным образом избегал гибели от рук убийц. Его характер, однако, был не из лучших, и временами он обходился со своими подчиненными довольно круто. Однажды, это было еще до моего появления, они не могли найти депешу, которую он запросил. В раздражении он зашел в канцелярию, вытащил все бумаги из архивных папок и начал разбрасывать их по полу, пиная ногами, а затем, по-

вернувшись к секретарям, воскликнул: «Это научит вас держать архив в порядке и сразу же находить мне нужные бумаги!» Когда я прибыл в Токио, он был в отпуске в Лондоне, и там, в министерстве иностранных дел, ему намекнули, что с персоналом следует обходиться повежливее. По возвращении сэр Паркс совершенно изменился, и по отношению ко мне он был сама учтивость. У меня не было никаких поводов жаловаться на него, за исключением длины его донесений. После того как я переписал одно из них, занявшее более четырехсот страниц, у меня появилось большое желание напомнить его автору слова, которыми Шеридан ответил Гиббону, благодарившему его за то, что в своей речи в палате общин он назвал его «блестящим писателем Гиббоном»: «Я сказал не блестящий, а плодовитый».⁹

Я уехал из Японии в начале 1883 года и на обратном пути домой делал остановки в Гонконге, на Цейлоне, в Каире, на Мальте и в Гибралтаре. После долгого отсутствия я снова попал в Вену в качестве второго секретаря посольства, и моя радость по поводу возвращения еще больше усилилась, когда я узнал, что в связи с новым назначением семейство Пэджет также переезжает в Вену из Рима.

В следующем году я заключил помолвку с леди Джорджианой Батерст – несмотря на предупреждение дорогого сэра Августа, что для бедного человека вроде меня женитьба может стать причиной краха всей карьеры. Женитьба – в любом

---

⁹ Игра слов: luminous – блестящий, voluminous – плодовитый (о писателе).

случае рискованное предприятие, и начинать его с 1000 фунтов дохода в одной из самых дорогих европейских столиц было, без сомнения, немного необдуманно, но, к счастью, сэр Август оказался плохим пророком. Женившись, я приобрел помощницу, которая не только составила счастье моей жизни, но и – благодаря своему характеру и счастливому дару завоевывать друзей – внесла большой вклад в успешность моей карьеры. Как нам удалось прожить три года в Вене и не наделать больших долгов – для меня до сих пор загадка. У нас была очаровательная маленькая квартирка в нескольких минутах ходьбы от посольства, и мы повсюду бывали и ни в чем себе не отказывали, главным образом, благодаря доброте наших друзей. Пэджеты брали нас с собой на все балы и вечеринки, поэтому нам не нужно было держать фиакр, запрягавшийся парой лошадей (появляться в свете в экипаже, запряженном лишь одной лошадю, считалось неприличным). Иные друзья возили нас на бега или отдавали свои ложи в опере и других театрах в наше распоряжение. Наиболее разорительной статьёй нашего бюджета были выезды в загородные поместья на охоту, главным образом потому, что приходилось платить большое количество чаевых, но визиты к нашим друзьям Кински, Лариче, Аппони и другим обходились без расходов.

Княгиня Паулина Меттерних, чей муж был австрийским послом в Париже во времена Второй империи, была одной из самых влиятельных и авторитетных особ венского обще-

ства. Она взяла под свою опеку Ротшильдов, и благодаря ей они были впервые допущены в высшие сферы. «Кортеж цветов», проведенный ею в Пратере,¹⁰ так очаровал падких до развлечений венцев, что они сложили в ее честь следующее четверостишие:

Es gibt nur eine Kaiserstadt,
Es gibt nur eine Wien,
Es gibt nur eine Fürstin,
Metternich Pauline.¹¹

Но среди всех развлечений, которые она организовывала в то время, когда мы там были, больше всего мне запомнилось музыкальное ревю в Шварценбергском дворце, названное *Götterdämmerung in Wien*.¹² По сюжету боги и богини, которым наскучил Олимп, в различных обличьях являются в Вену в поисках укывшейся там Гебы.¹³ Посетив все достопримечательности столицы и поучаствовав в различных увеселениях, в том числе в сценах из «Венского вальса», «Эксельсиора» и «Цыганского барона», они в конце концов находят Гебу в парке аттракционов Пратере и возвращаются

---

¹⁰ Пратер – увеселительный парк в Вене. Известен с XII в. как охотничьи уголья императора. В 1766 г. император Иосиф II открыл Пратер для публики.

¹¹ Есть только один город кайзеров, Есть только одна Вена, Есть только одна княгиня, Паулина Меттерних (нем.).

¹² Гибель богов в Вене (нем.). Намек на оперу Вагнера «Гибель богов».

¹³ Геба в греческой мифологии – богиня вечной юности.

на Олимп омолодившимися. Княгиня Меттерних сама вместе бароном Бургоэном, бывшим французским дипломатом, написала либретто и, призвав себе в помощь самых красивых дам австрийского аристократического общества, включая двух дочерей герцога Кински, герцогиню Монтенуово и графиню Вилчек, графиню Чернин, графиню Амели Подштатски, баронессу Бургоэн и графиню Ирму Шёнборн (которая впоследствии вышла замуж за герцога Фюрстенберга, друга императора Вильгельма), воплотила в жизнь мечту об идеале женской красоты.

Что касается политики, то служба в Вене предоставляла интересную возможность наблюдать борьбу Австрии и России за влияние на Балканах. И так как мне придется много говорить о балканской проблеме в последующих главах, то для понимания дальнейших событий будет нелишне дать краткое описание острейшего кризиса, сложившегося на тот момент в отношениях между этими странами. С начала освободительной войны Россия стремилась присоединить Болгарию к себе, и с этой целью она подчинила правительство княжества контролю особо доверенных генералов. И всякий раз, когда князь Александр решался противостоять их авторитету, ему напоминали, что он – лишь орудие в руках царя. Наконец, сочтя свое положение невыносимым, он заключил союз с Либеральной партией в надежде освободить свою приемную родину от русского господства.

Осуществленный в сентябре 1885 году в Филиппополе

успешный государственный переворот привел к объединению Болгарии и Восточной Румелии¹⁴ в единое государство и принятию Александром титула князя Северной и Южной Болгарии. Такое нарушение решений Берлинского конгресса¹⁵ было возмутительно, и в первый момент Европа не могла с ним примириться. Россия же сразу отказалась признать союз, сложившийся без ее вмешательства. Царь выразил свое недовольство, вычеркнув имя князя Александра из списка личного состава русской армии и отозвав всех русских офицеров из Болгарии. В то же время через своего посла в Константинополе он побуждал султана восстановить *status quo ante* (положение, существовавшее ранее – *лат.*) в Восточной Румелии силой оружия. Мысль о турецком нашествии нашла поддержку у партнеров России по *Drei Kaiser Bund* (Союз трех императоров – *нем.*), и единственное, что помешало осуществлению этого плана, – твердая позиция правитель-

---

¹⁴ Румелия – общее название завоеванных в XIV–XVI вв. турками-османами Балканских стран. В 1878 г. из земель, которые должны были по Сан-Стефанскому договору отойти к Болгарии, была образована провинция Восточная Румелия, но по решению Берлинского конгресса (см. ниже) власть в ней принадлежала султану, который должен был назначать наместника из христиан. После переворота 18 сентября 1885 г. Румелия практически вошла в состав Болгарии.

¹⁵ Берлинский конгресс проходил в июле 1878 г. по инициативе Англии и Австрии. Недовольные усилением позиций России на Балканах, они требовали обсуждения итогов русско-турецкой войны на конгрессе европейских держав, подписавших Парижский мирный договор 1856 г. Главная цель Берлинского конгресса, состоявшая в ограничении притязаний России и недопущении ее к проливам, была достигнута.

ства ее величества, посчитавшего, что Великобритании выгоднее иметь сильную Болгарию как преграду на пути возможной агрессии.

Если бы Австрия заняла более смелую позицию и признала бы единое государство как совершившийся факт, она могла бы занять в Софии место России, но граф Кальноки заботился лишь о том, как избежать разрыва отношений с Россией, а кроме того, он опасался, что поддержка, оказанная Болгарии, может ослабить влияние Австрии в Белграде. Тем временем Греция и Сербия, встревоженные усилением Болгарии, выдвигали требования территориальной компенсации и активно готовились их отстаивать. И хотя первая, благодаря вмешательству держав, была вынуждена воздерживаться от активных действий, вторая в ноябре 1885 года объявила Болгарии войну. Положение болгарской армии, дезорганизованной из-за отъезда русских офицеров и размещенной, главным образом, в Восточной Румелии, казалось практически безнадежным. Но какие-то болгарские части у границы с Сербией все же были, и князю Александру удалось форсированным маршем привести остальную армию им на помощь и разбить сербов в трехдневном сражении у Сливницы. В результате этой победы он занял Пирот; но его поход на Белград был остановлен последовавшим австрийским ультиматумом, в котором говорилось, что в случае дальнейшего продвижения болгарских войск им придется сражаться с австрийской армией. В конце концов, после продолжительных

переговоров, конференция держав в Константинополе приняла формулу, по которой генерал-губернатором Восточной Румелии сроком на пять лет назначался болгарский князь вообще, а не князь Александр лично. В соответствии со статьей XVII Берлинского трактата для возобновления этого решения требовалось согласие всех держав – участников договора.

Россия сразу же воспользовалась тем, что судьба нового государства не зависела от личности правителя, чтобы подорвать власть князя и представить его как единственное препятствие для данного объединения, которое Россия была готова даровать Болгарии. Под ее покровительством возникает заговор, приведший через несколько месяцев к похищению князя Александра и его вынужденному отречению. Почти сразу за этим последовал контрпереворот, вернувший его на престол. Князь высадился в Рушуке и отправил царю телеграмму с последним отчаянным призывом. Он сообщал о своем возвращении и заканчивал словами: «Россия даровала мне корону. Я готов вернуть этот дар ее повелителю». Ответ императора был для него сокрушительным. Император выражал неудовольствие по поводу возвращения князя и заявил, что не будет заниматься делами провинции, пока его высочество остается в Болгарии. Князь Александр не считал возможным управлять страной без поддержки России. Его также тревожила широкая поддержка, которой, как выяснилось, пользовался недавний заговор. В результате он отрекся

от престола и, назначив регентство в составе Стамболова и еще двух человек, покинул Болгарию 8 февраля 1886 года.

Последовал продолжительный кризис, угрожавший миру во всей Европе. Россия отказалась признать регентство и отправила в Софию генерала Каульбарса, поручив ему принудить болгар к повиновению. Но хотя генерал и объявил выборы в Народное собрание недействительными, парламент все же собрался и взялся за трудную задачу – подыскать князя, готового принять опасную корону, которую сложил с себя князь Александр. В конце концов они выбрали герцога Вальдемара Датского, но он отклонил предложенную честь, в то время как Стамболов категорически отверг кандидатуру князя Мингрельского, предложенную Портой и поддержанную Россией.

В это время Австрия, хотя и была самой заинтересованной из держав, занимала выжидательную позицию. Граф Кальноки лелеял надежду, что Россия, предоставленная самой себе, навсегда испортит отношения с Болгарией. Правительство ее величества, напротив, было сильно обеспокоено перспективой российского наступления на Константинополь, и сэру Августу Пэджету постоянно указывали, что он должен убедить австрийское правительство принять меры, призванные не дать Болгарии полностью попасть под влияние России, а также подчеркнуть важность согласованных действий обоих правительств. Граф Кальноки выслушивал эти предложения весьма благосклонно, но возражал, что

пока не видит никаких нарушений международного статуса Болгарии, и поэтому вмешательства пока не требуется. Правительство ее величества привело ему множество примеров неправомерных действий генерала Каульбарса, указывающих на то, что время для объединенных действий европейских держав уже настало.

Однако граф Кальноки не был настолько уверен в материальной поддержке, которую ему сулила Великобритания, чтобы перейти к политике активного вмешательства. И хотя оба правительства признавали, что их интересы совпадают, полного взаимопонимания в этом вопросе добиться не удалось. Тем не менее его более или менее убедила речь лорда Салисбери на банкете в Гилдхолле 9 ноября, в которой тот заявил, что в вопросах, непосредственно затрагивающих интересы Великобритании, она будет действовать самостоятельно, а когда ее интересы затронуты лишь косвенно, политика правительства ее величества будет в значительной степени зависеть от позиции, занятой Австрией. К счастью, примерно в это же время обстановка немного разрядилась в связи с тем, что Каульбарс разорвал дипломатические отношения с правительством Болгарии. Регенты воспользовались его отъездом и послали делегацию в различные столицы, чтобы покончить с междуцарствием. Когда делегация прибыла в Вену, герцог Фердинанд Кобургский по собственной инициативе, движимый лишь собственными амбициями, предложил себя в качестве кандидата на вакантный трон,

хотя ни император, ни граф Кальноки не одобрили этого шага. В личной беседе граф Кальноки заметил, что во внешности и манерах герцога слишком много от *vieille cocotte* (старая кокетка – *фр.*), чтобы он мог стать достойным преемником князя Александра.

Первоначально герцог Фердинанд поставил условием своего вступления на престол утверждение Портой и одобрение держав, что было почти равносильно отказу, и лишь спустя шесть месяцев, в июле 1887 года, он был формально выбран князем Болгарии. Россия возражала против этих выборов, сочтя их нарушением статьи III Берлинского трактата, в которой говорилось, что выборы князя должны быть «свободными». В данном случае, по ее утверждению, он был выбран под давлением регентства, которое само по себе было незаконным учреждением, а выбравшее его Народное собрание нужно признать неправомочным, так как в него входили депутаты от Восточной Румелии. Позиция графа Кальноки была очень сходна с подходом правительства ее величества. Он полагал, что Народное собрание действовало в полном соответствии со своими полномочиями, но сожалел, что его выбор не пал на более достойного кандидата. За несколько дней до отъезда герцога Фердинанда в Софию он убеждал его последовать своему первоначальному намерению и дожидаться одобрения держав, указывая, что без такого одобрения он будет выглядеть авантюристом и не получит законного статуса. Позиция Германии объяснялась тем, что она из стратеги-

ческих соображений поддерживала Россию. Князь Бисмарк считал, что желательно добиться взаимопонимания между Россией и Австрией относительно их сфер влияния на Балканах и что в то время, как последняя должна доминировать в Сербии, первой надо позволить вернуть себе позиции, которые она занимала в Болгарии до 1885 года. Его главной целью было лишить Россию всякого повода для недовольства Германией. Принимая во внимание бесчисленные ошибки, которые совершила Россия в политическом подходе к болгарскому вопросу, он полагал, что чем больший простор для деятельности будет ей предоставлен, тем быстрее она выроет себе могилу.

Его политика основывалась на убеждении, что Франция может напасть на Германию лишь в том случае, если та будет находиться в состоянии войны с Россией, и был поэтому готов на все, чтобы поддержать дружеские взаимоотношения с этой страной. Однако он сказал графу Кальноки, что не стоит *prendre au sérieux* (принимать всерьез – *фр.*) теоретическую поддержку, которую он (князь Бисмарк) может оказать какому-либо предложению, выдвинутому Россией, так как он всего лишь стремится поддерживать с ней хорошие отношения, и на самом деле уверен, что никакая российская инициатива не сможет материализоваться, если ей будут всерьез противостоять Австрия, Великобритания и Италия. Но вера в энергичные действия со стороны этих держав была недостаточно твердой, чтобы у него возникло желание портить

отношения с Россией.

Глава 3

1888–1900

Берн. – Дармштадт и Карлсруэ. – Мои отношения с королевой Викторией

Летом 1888 года я перевелся в министерство иностранных дел и работал там до конца следующего года, когда меня перевели в Берн. В конце 1892 года я получил чин секретаря посольства, и мне предложили должность поверенного в делах в Кобурге. Однако с моим назначением вышла задержка; имея в виду прежний образ жизни тогдашнего герцога, королева была против того, чтобы женатого человека направляли в Кобург. Этот вопрос все еще был на рассмотрении ее величества и министра иностранных дел, когда неожиданная смерть нашего посланника в Дармштадте позволила найти выход из положения, и я был назначен в Дармштадт в ранге поверенного в делах.

Дармштадт был во всех отношениях более желанным назначением, так как из-за его центрального расположения и близости к Франкфурту и Гомбургу можно было не терять связи с остальным миром и расширять круг знакомств за пределами этого, в сущности, небольшого гарнизонного го-

родка. Несмотря на ограниченные возможности для светского общения, жизнь в Дармштадте имела много привлекательных сторон. Можно было часами кататься верхом в окрестных лесах; можно было, не удаляясь далеко от дома, охотиться практически на любую дичь: на оленей, косуль, диких кабанов, фазанов, куропаток, зайцев и даже тетеревов; и, если не было других занятий, можно было провести вечер в Придворном театре, где по очереди шли пьесы и оперы. Уровень представлений в театре, получавшем щедрую финансовую поддержку от великого герцога, был очень высок, и там я начал любить и понимать «Фауста» Гете. Постановка и игра актеров были восхитительны, а весь спектакль состоял из трех частей, каждая из которых занимала целый вечер. Первая часть включала сцены *Nexen Küche* (на кухне ведьмы – *нем.*), вторая была посвящена трагической любви Грехен, а третья охватывала всю вторую часть в сокращенном виде. Светская жизнь, центром которой был двор, состояла из весьма приятных небольших обедов и непринужденных танцев, но с особенной теплотой я вспоминаю те дни, когда мы с моим другом бароном Максом фон Хейлом стреляли куропаток около Вормса и выслеживали оленей и серн в Тироле.

Хотя после того, как принцесса Алиса Гессенская¹⁶ вышла замуж за российского императора, Дармштадт приоб-

---

¹⁶ Алиса Гессенская (впоследствии Александра Федоровна Романова) приходилась великому герцогу Гессенскому родной сестрой.

рел определенную политическую значимость в связи с частыми визитами их величеств, это был, как говорится, «семейный круг». Великому герцогу и великой герцогине королева Виктория приходилась бабушкой: первому через свою мать, принцессу Алису, а второй через отца, герцога Эдинбургского и Кобургского. Королева, которая устроила этот брак, очень живо интересовалась всем, что их касалось, и в течение тех шести лет, что я провел в Дармштадте, я пользовался привилегией состоять в непосредственной переписке с ее величеством и удостоивался чести быть приглашенным вместе с женой в Виндзор и Осборн¹⁷ всякий раз, когда мы бывали в Англии. Была, однако, и *a revers de la médaille* (обратная сторона медали – *фр.*), делавшая мое положение весьма нелегким. Великий герцог и великая герцогиня, как многие молодые супруги, какое бы положение они ни занимали, предпочитали идти своим путем: не делали многого, что нужно было делать, и делали много такого, чего делать, пожалуй, не стоило. Всякий раз, когда случалось что-нибудь подобное, особенно когда они не оказывали подобающего внимания кому-либо из старших родственников, которым случалось оказаться поблизости, или забывали отвечать на их письма, необходимость указать им на это неизменно ложилась на мои плечи. Более того, предполагалось, что я буду

---

¹⁷ Осборн-Хаус – загородная резиденция королевы Виктории. Королева любила этот дом, построенный в 1845 г. на берегу моря и расположенный недалеко от Лондона. Теперь там музей, где все сохранилось, как при ее жизни.

сообщать королеве обо всех их поступках и промахах – обязанность весьма неприятная, особенно если учесть ту доброту, которую их высочества постоянно проявляли по отношению к нам, и сложившиеся у нас близкие дружеские отношения, благодаря которым мы были допущены в их семейный круг.

К сожалению, из-за несходства характеров их брак оказался несчастливym, и по мере того, как они постепенно отдалялись друг от друга, мне и моей жене становилось все труднее сглаживать разногласия и удерживать их от окончательного разрыва, который произошел вскоре после нашего отъезда из Дармштадта. Мы оба очень привязались к великой герцогине; кроме красоты, она обладала удивительным обаянием и привлекательной манерой разговора, а так как рассудок и право были на ее стороне, мы полностью ей сочувствовали. Но, несмотря на это, я был с ней искренен и откровенен, и, когда она поняла, что, давая ей советы, я действую в ее же интересах, она не обижалась, а считала меня, как она сама однажды сказала, «своим добрым учителем». В летние месяцы Гомбург заполняли многонациональные толпы людей, приезжавших лечиться на воды, и среди них можно было встретить друзей и знакомых почти из всех стран Европы. В Гомбурге мне выпало счастье близко сойтись с принцем Уэльским (впоследствии королем Эдуардом VII), и благодаря доброте его высочества, объяснившего королеве, что мои шансы на продвижение по службе сильно уменьшат-

ся, если она будет бесконечно держать меня в Дармштадте, она в конце концов согласилась на то, чтобы мне дали другое назначение. Великая княгиня Фредерика,¹⁸ чей прекрасный замок в Кронберге был недалеко от Гомбурга, также была очень добра и часто приглашала нас погостить у нее. Эти визиты были столь же интересны, сколь и приятны. По утрам я обычно катался верхом вместе с ее высочеством, а во второй половине дня все общество отправлялось на автомобильные или пешие прогулки по предгорьям Таунуса.¹⁹

В наших разговорах великая княгиня часто высказывалась по поводу антибританских настроений в Германии и трудностей, с которыми она в связи с этим сталкивалась. Как мать будущей королевы Греции она, естественно, интересовалась критической ситуацией, в которой оказалась эта страна после турецкой войны. Мне иногда приходилось служить каналом, с помощью которого ее высочество передавала свою точку зрения по этому вопросу королеве Виктории. Но интереснее всего мне бывало, когда великая княгиня, которая была очень хорошо начитанна, обращалась в разговоре к литературе и обсуждала со мной относительные достоинства великих английских и немецких поэтов. Однако однажды ее память подвела ее, и она сделала ошибку, которая

---

¹⁸ Урожденная принцесса Саксен-Альтербургская Фредерика, была замужем за великим князем Константином Николаевичем (ум. в 1892 г.), младшего брата императора Александра II, в православии – Александра Иосифовна.

¹⁹ Таунус – горный массив в центральной части Германии.

меня довольно сильно смутила. Мне случилось процитировать несколько строк из «Поэмы о Старом Моряке», и ее высочество тут же сказала: «О, я хорошо это помню. Это из „Поэмы о Старом Моряке“ Лонгфелло».²⁰ И хоть в соответствии с придворным этикетом мне не следовало возражать ей, но я все же не сдержался и заметил: «Ваше высочество, вероятно, имеет в виду „Поэму о Старом Моряке“ Кольриджа?» Последовал горячий спор, так и ничем и не кончившийся, потому что никто из нас не желал признать правоту другого. Наш последний визит в Кронберг был омрачен известием о смертельной болезни великой княгини, от которой она и умерла в следующем году.²¹ То, с какой стойкостью и терпением она переносила страдания, еще больше усилило восхищение и почтительную симпатию, которые я всегда испытывал к ее высочеству.

Среди многих августейших особ, кого мы часто встречали во время наших визитов в Кронберг, были герцог и герцогиня Спартские, впоследствии король и королева Греции, а также герцог Фридрих Карл Гессенский с супругой. Герцогиня Гессенская, так же как и герцогиня Спартская, была дочерью императрицы Фредерики. Она вышла замуж за младшего брата – ландграфа Гессенского, и это имя напоми-

---

²⁰ «Поэма о Старом Моряке» написана Сэмюэлем Тейлором Кольриджем (1772–1834).

²¹ Очевидно, этот визит относится к 1910 г. – великая княгиня Александра Иосифовна (Фредерика) умерла в 1911 г.

нает мне один случай, типичный для характера некоторых немцев. Принц Уэльский должен был стать крестным отцом одного из детей герцогини, и он попросил меня от его имени присутствовать на крещении. В назначенный день я прибыл в замок ландграфа, где должна была пройти церемония. На завтраке, который давали после крещения, должно было присутствовать около сорока человек, и, зная немецкую пунктуальность, я позаботился (как я полагал) о том, чтобы быть представленным им всем. После завтрака ландграф вступил со мной в беседу и под конец спросил, люблю ли я охотиться. Получив утвердительный ответ, он сказал: «Тогда приезжайте сюда в декабре стрелять фазанов», – не указав, однако, конкретной даты. Но так получилось, что в конце ноября я собирался съездить домой в отпуск и уже обо всем договорился. Я попытался ему это объяснить, выразив при этом сожаление, что не могу принять приглашение. Тогда он повернулся ко мне спиной, произнеся при этом: «Можете убираться к ч...» Я, естественно, немного растерялся и, увидев рядом с собой джентльмена, которого я принял за его придворного конюшего, подошел к нему, чтобы объясниться и пожаловаться. По злему стечению обстоятельств это оказался не только его конюший, но и единственный из собравшихся, которому я, по недосмотру, не был представлен. Оглядев меня с ног до головы, он прервал мои объяснения холодным замечанием: «Сэр, в Германии джентльмен не разговаривает с другим джентльменом, не будучи предвари-

тельно ему представлен». И после этого он также повернулся ко мне спиной. Я был совершенно ошарашен этим немецким уроком хороших манер, когда фрейлина герцогини подошла ко мне и сказала: «Господин Бьюкенен, я случайно слышала оба ваших разговора и могу только сказать, что мне стыдно за своих соотечественников». Герцогиня впоследствии пригласила меня к себе и очень мило извинилась за случившееся.

Двор в Карлсруэ,²² при котором я также был аккредитован, представлял во всех отношениях полную противоположность дармштадскому. Если в первом этикет чаще нарушался, чем соблюдался, то во втором ему следовали неукоснительно и превратили его почти в искусство. Получив приглашение на завтрак с семьей великого герцога, необходимо было являться во фраке с черным галстуком, а однажды, в день празднования семидесятилетия великого герцога, я с восьми утра был одет в синий мундир с медными пуговицами, и снял его лишь в семь вечера, чтобы переодеться в полную парадную форму. Но самое утомительное испытание – это когда после обедов во дворце приходилось по два-три часа стоять на ногах, пока великий герцог и великая герцогиня обходили гостей. И даже в гостинице нас не оставляли в покое. Однажды придворный разбудил меня стуком в дверь моей спальни в восемь часов утра. Он сообщил, что, так как я, несомненно, буду присутствовать на службе в английской

---

²² Карлсруэ – столица великого герцогства Баден.

церкви в десять тридцать, великая герцогиня распорядилась, чтобы мне показали расположенную неподалеку больницу, куда я должен был явиться к десяти. Это было равносильно королевскому приказу, и у меня не было другого выбора, кроме как подчиниться.

Если и был когда-либо двор, где главную роль играла скука, то это, несомненно, Карлсруэ. И город был столь же безрадостен.

Дело ухудшалось еще и тем, что в последние годы XIX века, особенно после начала войны в Южной Африке, население Германии было в значительной степени настроено против британцев, и мне постоянно приходилось выслушивать неприятные вещи о своей стране. Великий герцог Баденский был слишком хорошо воспитан, чтобы допустить такое. Настоящий аристократ старой школы, он был сама любезность, и, если в ходе разговора ему приходилось касаться довольно натянутых отношений между Германией и Британией, он говорил об этом скорее с сожалением, чем с гневом, и относил взаимное непонимание за счет безответственного поведения английской и немецкой прессы. Однажды он даже высказал фантастическое предложение: чтобы лишить прессу возможности творить зло, державы должны, по взаимному соглашению, не учитывать в своей внешней политике заявления, которые делает пресса по вопросам международной политики, и не использовать свою собственную прессу как канал для официального вмешательства в эти дела. К сожа-

лению, он был убежден, что Британии удалось достичь ведущего положения в мире с помощью дальновидной макиавеллистской политики, которой последовательно придерживались все британские правительства. Он не поверил мне, когда я заметил, что похвала его высочества нашей дипломатии не совсем заслуженна, ибо британские правительства, как правило, не строят далеко идущих планов. Они в гораздо большей степени приспособливают свою политику к требованиям текущего момента и, как могут, преодолевают стоящие перед ними трудности, однако такая тактика оказалась в целом наиболее успешной.

Великая герцогиня, дочь императора Вильгельма, напротив, была гораздо менее тактичной и не стеснялась давать волю своим чувствам. Она придерживалась крайних националистических взглядов и полагала, что Германия не может быть хоть в чем-то неправой, а следовательно, в том, что отношения между двумя правительствами были не столь хороши, как хотелось бы, полностью виновата Великобритания. Напрасно я пытался убедить ее, что виноваты могут быть обе стороны и что, если две наши страны хотят оставаться друзьями, они должны проявлять должное уважение к национальным интересам друг друга. Однажды – незадолго до или сразу после начала бурской войны – она отчитала меня перед всем двором и в знак своего недовольствия не подала мне руки для поцелуя, как это было принято на официальных приемах.

Вскоре после того, как я приехал в отпуск в Англию, меня пригласили на несколько дней в Осборн и за обедом посадили рядом с королевой, к большому моему удивлению. Речь зашла об антибританских настроениях в Германии, и ее величество повернулась ко мне и сказала: «Милая великая герцогиня Баденская – единственный друг, который остался у нас в Германии». Я осмелился возразить, что если ее высочество считала себя нашим другом, то она тщательно скрывала свои истинные чувства. Я поведал ее величеству о своем недавнем визите в Карлсруэ и о том, как герцогиня дала мне понять, что полностью разделяет взгляды на Великобританию, которые преобладают сейчас в Германии. Для королевы это было неприятной неожиданностью, и, выслушав мой рассказ о том, как толпы на улицах с ликованием встречали телеграммы о наших поражениях, вывешенные в окнах почтамта, она произнесла: «Мы этого не забудем».

В июле 1898 лорд Салисбери предложил мне место британского представителя в арбитражном суде по венесуэльской проблеме, которое освободилось после того, как Майкла Херберта назначили послом в Вашингтон. Так как королева желала, чтобы я, тем не менее, оставался поверенным в делах в Дармштадте, я ненадолго заехал в Лондон, чтобы договориться о том, как лучше сочетать мои новые и старые обязанности. Зная, как недолго я пробуду в Лондоне, ее величество с характерной для нее заботливостью прислала в министерство иностранных дел следующую телеграмму:

«Королева желает, чтобы мистер Бьюкенен прибыл в Осборн в любой день, когда ему угодно». Монархам, как правило, не свойственно уделять такое внимание удобству своих подданных, особенно когда этот подданный всего лишь младший сотрудник дипломатической службы, но, судя по моему опыту, ни один другой монарх не был столь внимателен к другим и столь благодарен за малейшую услугу, как королева Виктория.

К счастью для меня, я с самого начала пользовался доверием ее величества. После первой, ожидаемой мной со страхом встречи, которая состоялась сразу после моего назначения в Дармштадт (я должен был дожидаться в галерее в Осборне, пока ее величество проследует на обед, пасть перед ней на колени и поцеловать ей руку), я никогда уже не боялся ее. Я был сразу же очарован ее чудесной улыбкой, и, разговаривая с ней, чувствовал себя совершенно свободно и естественно. Общаться с ней почти всегда было легко и приятно. Однажды я сказал ей, что по курьезному совпадению 25 ноября не только общий день рождения великого герцога и великой герцогини Гессенских, но и мой. Ее величество спросила: «А вы родились в тот же год, что и они?» Я отвечал с улыбкой, что лишен этой чести, потому что по возрасту гожусь великому герцогу в отцы. «Как глупо с моей стороны!» – воскликнула королева, от души смеясь над своей ошибкой. Были, однако, ситуации, когда мне было нелегко отвечать на вопросы ее величества касательно положения

дел в Дармштадте. Особенно я помню, как я был смущен на продолжительной аудиенции, которой был удостоен во время трехдневного визита в Виндзор в начале 1898 года. К тому моменту я уже не мог скрывать от ее величества, что в отношениях между великим герцогом и великой герцогиней возникли серьезные трения. Выслушав то, что я ей рассказал, королева заметила: «Я устроила этот брак. Но больше я никогда не буду пытаться кого-нибудь поженить», – и продолжала забрасывать меня вопросами. Однако я осмелился заметить, что всегда старался исполнить свой долг как по отношению к ее величеству, так и по отношению к великому герцогу и великой герцогине, и надеюсь, что она понимает, как трудно мне было обмануть доверие их высочеств и пересказать то, что они мне говорили. Ее величество сразу сказала: «Я прекрасно понимаю, и я вам очень благодарна». Я и моя жена еще несколько раз разговаривали с королевой во время этого визита, и перед отъездом я получил милое послание от ее величества, куда были вложены две юбилейные медали, которые, как она надеялась, «будут приняты в знак благодарности за доброту к ее внукам».

Последний раз я видел королеву в замке Балморал в октябре 1900 года при сложении с себя полномочий поверенного в делах в Дармштадте, когда ее величество пожаловала мне орден королевы Виктории,²³ которым в те времена

---

²³ Орден королевы Виктории установлен как приватный орден королевского дома, служащий наградой за заслуги перед личностью государя. Дата учрежде-

награждали очень редко. Несколько месяцев спустя великая королева, всегда внушавшая мне чувства преданности и почтения, а также огромной благодарности за доброту и внимание, которую она всегда мне оказывала, обрела вечный покой.

ния – 1896 г. Имеет пять степеней. Бьюкенен стал командором ордена королевы Виктории, это третья степень.

Глава 4

1888–1903

Представитель в арбитражном суде по венесуэльской проблеме. – Советник в Риме и Берлине. – Англо-германские отношения. – Дипломатический представитель и генеральный консул в Болгарии

Сегодня лишь немногие, как я полагаю, помнят хоть что-нибудь о нашем споре с Венесуэлой относительно границ между ней и британской колонией Гайаной, хотя это был один из самых животрепещущих вопросов того времени. Важность этой проблемы объяснялась тем, что президент Кливленд в своем послании конгрессу поддержал позицию Венесуэлы, и это привело к угрозе возникновения осложнений в наших отношениях с Соединенными Штатами. Чтобы избежать этой опасности, после продолжительных переговоров в феврале 1897 года в Вашингтоне был подписан договор между правительством ее величества и правительством Венесуэлы, по которому вопрос о спорной территории пере-

давался в арбитраж.

В июле 1898 года, когда меня назначили британским представителем в арбитражном суде, две спорящие стороны уже обменялись имевшимися у них аргументами и возражениями, и к концу года документы, на которых основывались притязания каждой из стран, были также собраны и переданы противной стороне. В начале года в Нью-Йорке прошли предварительные слушания, на которых были согласованы некоторые процедурные вопросы, а 15 июня 1899 года в Париже собрался суд. В его состав входили двое британских судей (лорд-главный судья Рассел и лорд-судья Хенн Коллинз) и двое американских (достопочтенный Мелвилл Уэбстер Фуллер, верховный судья Соединенных Штатов, и достопочтенный Дэвид Брюер, член Верховного суда), а председателем был известный русский юрист господин Мартенс. Ведущими адвокатами с нашей стороны были генеральный атторней²⁴ сэр Ричард Уэбстер (впоследствии лорд Алверстоун и лорд-главный судья) и сэр Роберт Рейд (впоследствии лорд Лорберн и лорд-канцлер), им помогали лорд Асквит и судья Роулатт. Интересы Венесуэлы представляли генерал Гаррисон (бывший президент Соединенных Штатов) и другие видные американские юристы.

История спора восходит к концу XVI века. Венесуэла как

---

²⁴ Перевод названия должности Attorney-General зависит от страны: в Великобритании – это генеральный атторней, в США – это глава министерства юстиции и генеральный прокурор.

наследница Испании предъявила права на всю территорию между Ориноко и левым берегом Эссекибо. Мы оспаривали эти притязания на том основании, что большая часть этих земель уже более двух веков последовательно управлялась сначала Голландией, а потом Британией и что с 1814 года, когда Великобритания формально оккупировала эту территорию, она, а не Венесуэла, занималась ее развитием. Представители Венесуэлы в дальнейшем выступили с заявлением, что хотя согласно статье IV Вашингтонского договора фактическая принадлежность и срок давности узаконивают право на владение, но подразумевалось, что это правило будет относиться к пятидесяти годам до 1814 года, а не к пятидесяти годам, непосредственно предшествовавшим дате подписания договора. Это было столь серьезным изменением условий, на которых правительство ее величества согласилось на рассмотрение дела в арбитражном суде, что, если бы судьи приняли в данном вопросе американскую точку зрения, мы были бы вынуждены отказаться от дальнейшего рассмотрения дела.

Первым в суде выступал генеральный атторней, который представил британскую точку зрения в мастерской речи, занявшей тринадцать заседаний. Он с исключительным знанием дела, четко и последовательно изложил все факты, подтверждавшие нашу правоту. Однако с его стороны было ошибкой пускаться в излишние подробности; он, как я тогда заметил, разрушил наш дом, чтобы показать, из каких хороших кирпичей он был построен. Это дало адвокату Ве-

несуэлы возможность нащупать слабые места в нашей аргументации и продемонстрировать, что некоторые из наших хваленых кирпичей на самом деле довольно низкого качества. Когда сэр Роберт Рейд начал отвечать двум представителям Венесуэлы, которые говорили в течение двадцати двух дней, наши перспективы нельзя было назвать многообещающими, но он поднял дискуссию на более высокий уровень и сосредоточился на самой сути британской позиции. Более того, ему удалось показать смехотворность утверждений о преимущественном праве Испании, составлявших основу аргументации Венесуэлы, и четко обрисовать суть различий между действиями Испании и Венесуэлы, с одной стороны, и Голландии и Британии – с другой. Затем выступал господин Асквит, за которым последовал генерал Трейси от имени Венесуэлы. Далее с заключительным словом с британской стороны выступал генеральный атторней, и завершил прения сторон генерал Гаррисон, однако его убедительная и красноречивая речь не произвела сильного впечатления на судей. Отсутствие убедительных доказательств вынудило генерала строить свои доводы исключительно на утверждении, что Венесуэле, как наследнице Испании, переходит преимущественное и первостепенное право на спорную территорию, и подкреплять свои доводы критикой британской позиции.

Если бы это дело рассматривал непредвзятый суд, основывающийся на представленных ему доказательствах, веро-

ятно, всю спорную территорию присудили бы нам. В действительности решение суда, закрепившее линию границы, не влекло за собой серьезного ущемления британских интересов, хотя устье реки Баримы не осталось, как мы ожидали, в абсолютном распоряжении Великобритании. Но в арбитражном суде, где тяжущиеся стороны сами выбирают судей, нейтральный председатель обычно пытается найти какой-то компромисс, который обеспечил бы единодушное решение. Такого единодушия не получилось при вынесении арбитражным судом решений по делу крейсера «Алабама»²⁵ в 1873 году и двадцатью годами позднее в вопросе о праве на рыбную ловлю в Беринговом проливе, однако у господина Мартенса были особые причины желать, чтобы в деле Венесуэлы это правило было нарушено. В июле в Гааге прошла первая мирная конференция,²⁶ созванная по иници-

---

²⁵ Крейсер «Алабама» использовался Англией во время Гражданской войны между Севером и Югом на стороне южан в нарушение объявленного ею нейтралитета. Созданный на основе соглашения между США и Англией арбитраж из пяти арбитров в 1872 г. вынес решение в пользу США, обязав Англию уплатить 15,5 млн долларов за прямые убытки вследствие нарушения ею нейтралитета. Хотя английский арбитр не подписал решение, подписанное четырьмя другими (арбитрами США, Швейцарии, Бразилии и Италии), Англия выплатила указанную сумму.

²⁶ Гаагская конференция 1899 г. По инициативе Николая II 18 мая 1899 г. в Гааге собралась конференция, в которой приняли участие представители 26 государств Европы, Азии, Америки. Как и последующая конференция 1907 г., она была названа «мирной», так как главной задачей ее участников была разработка мер по ограничению вооружений и обеспечению прочного мира. Никаких конкретных результатов в ограничении вооружений конференция не имела, но при-

ативе императора Николая, и он стремился поддержать усилия своего монарха в деле мира, обеспечив единодушное решение, которое подтолкнуло бы другие страны к решению своих разногласий в арбитражном суде. Такое желание было само по себе похвальным, но средства, которые он для этого использовал, были далеко не безупречны. Составив собственное мнение о том, какая линия границы может считаться справедливым компромиссом, он по очереди беседовал с судьями от каждой из сторон и давал им понять, что либо они согласятся с его точкой зрения, либо он отдаст свой решающий голос в поддержку требований противоположной стороны.

Прения сторон продолжались на протяжении пятидесяти четырех заседаний, и если судебное разбирательство чрезмерно затянулось, то ответственность за это ложится на адвокатов Венесуэлы, которые говорили на десять дней дольше, чем наши. Хотя за это время между нами сложились самые сердечные личные отношения, между противоборствующими сторонами часто возникали острые стычки, что вполне естественно. Генеральный атторней, несмотря на весьма квалифицированное ведение дела, избегал прямых ответов на сложные вопросы и всегда старался выбраться из сложной ситуации, отвечая уклончиво. Подобная такти-

---

вила к заключению трех конвенций: о мирном разрешении международных споров; о законах и обычаях сухопутной войны; о применении Женевской конвенции о раненых и больных в морской войне.

ка так раздражала генерала Гаррисона, что однажды он поднялся и очень развеселил суд, заметив: «Генеральный атторней напоминает мне большую птицу, усевшуюся на слишком тонкую для нее ветку. Она раскрывает крылья и машет ими, и машет, чтобы только не свалиться». При этом генерал махал вверх и вниз руками, как птица крыльями, а потом всякий раз, когда генеральный атторней старался замять вопрос, он молча поднимался и повторял свою пантомиму.

Не без колебаний согласился я на должность представителя, так как, не считая того, что это дело было для меня абсолютно новым, положение представителя на больших арбитражных процессах довольно курьезно, если, конечно, он не готов оставаться полным нулем. Подготовка и проведение дела находились в руках крупных юристов, занятых на процессе, и, хотя я участвовал в обсуждениях, моя роль сводилась к обязанности информировать правительство о результатах совещаний и о линии аргументации, которой предполагалось придерживаться. Генеральный атторней, тем не менее, всегда был готов выслушать мое мнение, и, когда, как это иногда случалось, я не был полностью согласен с ним по тому или иному важному вопросу, я без стеснения говорил ему об этом, и не однажды мои доводы принимались во внимание. Во время заседаний суда в Париже не было четко определено, кто из нас кому подчинен. Генеральный атторней обычно называл меня «мой представитель». Это возмущало лорда-судью Коллинза, полагавшего, что не следу-

ет именовать представителя правительства «своим». Он подстрекал меня к обращению в том же роде – «мой генеральный атторней», но я, конечно, не последовал такому совету.

Кроме заботы о помещении для всех членов британской делегации в Париже, я должен был согласовывать с казначейством размер их жалованья и прожиточных расходов. Это была довольно неблагодарная задача, так как мы все склонны ценить наши услуги выше, чем правительство, но, с помощью элегантных уступок по незначительным вопросам, я все-таки добивался, чего хотел. Приведу только один пример: лорд-главный судья заявил, что пяти гиней в день недостаточно, чтобы обеспечить ему в Париже уровень жизни, соответствующий его высокой должности. Он настаивал, чтобы я увеличил сумму его прожиточных расходов до шести гиней, а расходы его клерка были бы увеличены с двадцати пяти до тридцати шиллингов.²⁷ Передавая его просьбу министру финансов, я сказал, что считаю требования лорда Рассела разумными, но не могу, не кривя душой, поддержать его просьбу о лишних пяти шиллингах для клерка. После этого министр не только назначил его светлости содержание в шесть гиней, как он того просил, но и заметил, к моему большому удивлению, как приятно ему иметь дело с таким человеком, как я, пекущемся об общественной пользе. Однако клерк в конечном итоге не пострадал: после окончания

---

²⁷ Одна гиней равна 21 шиллингу.

процесса я добился для него премии в пятьдесят фунтов.²⁸

Самой трудной задачей во время моего пребывания в Париже была подготовка доклада для министерства иностранных дел о каждом последовательном заседании суда, так как в таком долгом и запутанном деле нелегко было в одном донесении кратко изложить речи адвокатов и оценить убедительность их аргументов. Однако правительство высоко оценило труды, потраченные на эти отчеты. Я был награжден орденом Бани,²⁹ а также мне предложили, по моему выбору, должности руководителя небольшой дипломатической миссии или советника посольства. Поскольку мне не терпелось вернуться к политической работе, я выбрал последнее и в конце 1900 года получил назначение в Рим, где нашим послом тогда был лорд Карри. В течение четырех из одиннадцати месяцев, проведенных мной в Риме, я исполнял обязанности посла, но в то время Рим был очень легким постом. Политические интересы сосредоточивались вокруг вопроса о Крите, который рассматривался конференцией представителей заинтересованных держав под председательством итальянского министра иностранных дел сеньора

---

²⁸ Один фунт равен 20 шиллингам.

²⁹ Орден Бани – один из самых старых и уважаемых британских орденов. Орден известен с XIV в., однако официально считается, что он учрежден лишь 11 мая 1725 г. королем Георгом I. Первоначально орден имел одну степень – им награждались только военные. Сейчас существует как военная, так и гражданская разновидность ордена. Орден имеет пять степеней. (У Бьюкенена первая степень – Большой рыцарский крест.)

Принетти. Tempora mutantur (времена меняются – *лат.*) – сегодня, во времена бури и натиска, с завистью оглядываешься на ту пору, когда одним из наших главных занятий был вопрос о правительстве Крита.

Осенью 1901 года я был переведен в Берлин – место, о котором я просил с самого начала. Я стремился туда не только потому, что Фрэнк Ласелл, наш посол, был моим старым другом, но и потому, что в тот момент посольство в Берлине было для нас самым важным. Все, кто читал замечательные откровенностью записки барона Экхартштайна, помнят, как все наши многочисленные попытки найти взаимопонимание и заключить в той или иной форме оборонительный союз с Германией скрывала тупая и лицемерная англофобская клика с Вильгельмштрассе.³⁰ Великобритания находилась тогда на распутье, так как в то время было уже невозможно дальше следовать политике «блистательного уединения».³¹ Ей нужно было или примкнуть к Тройственному со-

---

³⁰ На улице Вильгельмштрассе находилось министерство иностранных дел Германии.

³¹ «Блистательное уединение» («Splendid isolation») – термин, употребляемый для обозначения общего курса внешней политики Великобритании второй половины XIX в., выразившегося в отказе от заключения длительных международных союзов. Островное положение, огромные колониальные владения, сильнейший в мире военный флот, а главное, промышленное и финансовое превосходство над другими державами позволяли Соединенному Королевству сохранять свободу действий на международной арене. С наступлением эпохи империализма, в связи с быстрым развитием экономики и усилением военной мощи других держав, позиции Англии стали более узкими. Резкое обострение отношений с

юзу, либо связать свою судьбу с Францией и Россией. За время Англо-бурской войны отношения с Германией оказались натянутыми до предела из-за таких инцидентов, как задержание и обыск немецких пароходов «Бундесрат», «Генерал» и «Герцог». Угрожающий тон, принятый имперским правительством на фоне всеобщего возмущения в Германии, вызвал ответное негодование в официальных кругах в Лондоне. Однако, несмотря на это, правительство его величества еще не полностью оставило идею оборонительного союза с Германией, и весной 1901 года этот вопрос был в очередной раз поднят лордом Лэнсдоуном. Однако прием, оказанный этому пробному предложению на Вильгельмштрассе, нельзя было назвать обнадеживающим, и последующие переговоры еще больше убедили наше правительство, что не имеет смысла рассматривать Германию как возможного союзника.

Вскоре после моего прибытия в Берлин в октябре 1901 года сэр Фрэнк уехал в отпуск, и поэтому я остался руководить работой посольства. Это был очень напряженный момент. В прессе циркулировали разнообразные клеветнические домыслы о поведении наших войск в Южной Африке, а в рейхстаге наших солдат именовали наемниками и обвиняли в том, что они прикрываются женщинами и детьми. В речи, произнесенной в конце октября, господин Чемберлен

Германией и другими европейскими державами грозило Англии вынужденной изоляцией. В 1902 г. Великобритания заключила длительный союз с Японией, направленный против России, а в 1904-м – соглашение с Францией, что означало конец политики «блистательного уединения».

отверг эти необоснованные обвинения и привел примеры из времен войны 1870 года, не делавшие чести германской армии. Эти контробвинения лишь подлили масла в огонь и спровоцировали новый взрыв антибританских настроений в рейхстаге, причем граф Бюлов, недавно сменивший князя Гогенлоэ на посту канцлера, выступил с речью, в которой он в самых суровых выражениях критиковал мистера Чемберлена.

Поверенному в делах не часто приходится встречаться с такой высокопоставленной персоной, как имперский канцлер, но граф Бюлов, которому меня порекомендовал мой друг и коллега в Риме барон Ягов, был настолько любезен, что пригласил меня на обед, и я воспользовался нашей послеобеденной беседой, чтобы коснуться недавних дебатов в рейхстаге. Я был готов признать, что как боевая сила британская армия не идет ни в какое сравнение с германской. Наша первая линия обороны – это флот, и, собственно говоря, наша армия довольно маленькая, но это не мешает нам гордиться ею и ее славной историей. Нас возмущает отношение к ней как к армии наемников, и еще больше нас возмущают клеветнические обвинения, прозвучавшие в рейхстаге. Люди, поступившие на службу добровольно, люди, готовые по доброй воле положить свою жизнь за короля и отечество, на мой взгляд, заслуживают большего уважения, чем те, кто вынужден делать это, подчиняясь системе обязательной воинской повинности. Его превосходительство, по моему глу-

бокому убеждению, не верил сплетням, которые рассказывали о наших войсках в рейхстаге. Поэтому я призвал его, в интересах сохранения хороших отношений между нашими двумя странами, вмешаться в эти дебаты и расставить все по местам, объяснив, что рейхстаг был введен в заблуждение относительно действий наших войск. Граф Бюлов со свойственной ему любезностью и обаянием признал, что лично он не верит в правдивость этих историй. Но у него не достало мужества, чтобы плыть против течения, и он не внял моим призывам, заявив, что не может противоречить рейхстагу и не считает для себя возможным говорить на эту тему.

В декабре 1901 года маркиз Ито остановился в Берлине по пути в Лондон, и, так как Япония все еще колебалась в выборе союзника между Россией и Великобританией, естественно, я стремился разузнать, что произошло между ним и графом Витте во время его пребывания в Санкт-Петербурге. Я познакомился с маркизом в 1880 году, когда я служил секретарем нашей миссии в Токио, и, возобновив знакомство на приеме в японской миссии, попытался расспросить его, переведя разговор на цель его поездки. Однако японские государственные деятели, как правило, весьма неразговорчивы. Маркиз во время этого разговора вел себя подчеркнуто сдержанно, уклонялся от ответов и в конце концов оборвал меня сокрушительным замечанием: «Моя поездка была весьма интересной, но я не собираюсь о ней рассказывать».

Договор между Британией и Японией, который был под-

писан шесть недель спустя, и отказ от намерений заключить оборонный союз с Германией заложили основу нашего взаимопонимания с Францией, оформленного двумя годами позднее. Новое направление британской внешней политики не способствовало улучшению отношений с Германией: внешне оставаясь нормальными и дружескими, эти отношения были отмечены нарастающим чувством взаимной неприязни. Трения между нашими двумя странами возникали не только в связи с предпринятой Германией программой усиления флота, бросающей вызов нашему превосходству на море, но также и из-за многократных провокаций, которые она устраивала в Китае. Особенно это относится к событиям осени 1902 года, когда я исполнял обязанности посла. Помню, я ненадолго отлучился в Лондон (моей жене сделали операцию в связи с аппендицитом – настолько серьезную, что ее жизнь была спасена лишь благодаря виртуозному искусству сэра Фредерика Тревеса), и мне пришлось поспешно вернуться, чтобы дать почувствовать, какое плохое впечатление произвели на правительство его величества недавние шаги, предпринятые Германией на реке Янцзы. Это удалось мне в такой мере, что министр иностранных дел барон фон Рихтхофен, обычно человек очень вежливый, вышел из себя и излил свои чувства потоком брани, не возымевшей, однако, никакого действия. Прочтя телеграмму, в которой я сообщал о случившейся перепалке, король Эдуард был так добр, что похвалил мою прямоту и сказал сэру Фрэнку, который

в то время как раз был в Сэндрингхэме,³² что у того очень хороший *locumtenens* (временный заместитель – *лат.*).

Из всех мест, где мне довелось служить, Берлин, несмотря на его политическую значимость, нравился мне меньше всего, и, так как я был послан туда по собственной просьбе, иногда я чувствовал, что, по выражению Чарльза Кингсли, «проклят бременем исполненной молитвы». В самом городе было мало привлекательного, и за исключением небольшого круга близких друзей, относившихся к нам с большой теплотой, светская жизнь с утомительными вечерними приемами и церемонными официальными обедами была до крайности скучна. Поэтому я без сожаления покидал Берлин, когда в конце 1903 года был назначен генеральным консулом – в персональном ранге полномочного министра – в Софию.

---

³² Сэндрингхэм – загородная королевская резиденция в графстве Норфолк.

Глава 5

1887–1904

Обзор правления князя Фердинанда. – Женитьба князя. – Эпоха единоличного правления. – Переход княжича Бориса в православие. – Болгария и македонское повстанческое движение

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.